

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 29

МАЙ 1967 ГОД

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ

Полтавские редуты

Н. Гранберг

Несмотря на уже давно существовавшую обширную военно-историческую литературу, какая была посвящена Полтавскому сражению, все же, сравнительно недавно, — в начале сороковых годов, некоторые эпизоды этого сражения вызвали критику и переоценку. Эта переоценка возникла в шведских военно-литературных кругах, когда в 1959 году, в связи с 250-летним юбилеем сражения, были открыты новые архивные данные. Критика коснулась капитального труда о Северной войне, который был издан, примерно, в 1909 году шведским генеральным штабом. Труд этот был найден неудовлетворительным и вызвал многостороннюю критику среди многих шведских писателей и историков. Естественно, эта критика коснулась и предыдущих трудов разных авторов, в которых было замечено тенденциозное отношение к личности короля Карла XII и целый ряд подтасовок, искажавших правдивое описание сражений и личного вклада в военное дело самого короля и его генералов. Все события с 1700 по 1709 год подверглись пересмотру на основании вновь открытых архивных данных. Особому контролю подверглось и описание Полтавского сражения со стороны многих писателей и историков, из которых генерал Густав Петри занимает важное место. Настоящий очерк построен в основном на его статье, напечатанной в 1958 году в ежегоднике шведского «Каролинского общества», посвященной новому толкованию всего Полтавского сражения (1). В 1961 году в том же ежегоднике была напечатана и другая статья, как бы дополняющая статью генерала Петри; она составлена сотрудником и членом того же Общества, капитаном Владимиром Ивановичем Гранбергом, который использовал широко русские источники, не принятые во внимание шведскими историками (2).

Публикуемый ниже очерк касается лишь отдельного эпизода Полтавского сражения, а именно, — его начальной фазы: момента первого столкновения сторон, который носит название «сражения в редутной зоне». Эпизод этот ограничен временем между 2 часами утра 27 июня 1709 года и, примерно, 7 часами утра того же дня.

Всемирная литература, посвященная Полтавскому сражению, конечно, уделяет внимание этому «редутному» эпизоду и каждый автор рассматривает его по-своему, определяя по-разному его значение в общем ходе всей драмы. Одни говорят о нем больше,

другие меньше, но, к сожалению, все комментарии носят все один и тот же оттенок недоговорности, и у читателя создается впечатление, что многое либо еще неизвестно, либо авторы не хотели или не могли входить в детали и расчеты (3). У некоторых даже сквозит резко критическое и снисходительное отношение к этому эпизоду. Как исключение, есть и отрицательная оценка даже у некоторых заслуженных авторов (Ласковский, см. предисловие Юнакова (4)).

Этот различный подход к вопросу о «редутах» является продуктом того направления военной мысли, которое господствовало во время создания авторами своих трудов. Понятия о способах ведения войны за долгий период времени протекший после Полтавы до наших дней переживали различные изменения, которые зависели от направления военного мышления и которые группировались всегда в двух областях — одна «пассивная», другая «активная».

«Редутный» эпизод — это определенно «пассивный» случай и интерес к нему, как эпизоду «оборонительному» со стороны авторов прошлых поколений был довольно сдержанным. Была боязнь, что правдивое описание будет «неблагоприятно» влиять на воспитание духа воина, на его порыв вперед, на лихость атаки, на все то, что долгое время считалось единственной приемлемой базой для всякой войны.

Этим редутам большинство авторов уделяет внимание лишь как на составную часть тактического хода всего сражения или как на один из пунктов плана сражения, который Петр имел в своей голове еще до начала его; рассматривая этот эпизод, они относят его к «подготовке» сражения (5). Это скромное название «подготовки» и оказывается несоответствующим важности «редутного» эпизода. Это именно и привлекает внимание автора настоящей статьи при разборе деталей этого эпизода.

Все описания «редутного» эпизода построены обыкновенно на одной и той же базе, и база эта касается главным образом рассмотрения взаимоотношения сил обеих сторон, участвовавших в действиях в редутном районе. Почти все авторы повторяют одно и то же и говорят, примерно так.

Петр приказал построить сначала шесть редутов. Это было за два-три дня до сражения. Потом дополнительно, уже вечером перед самым сражением, еще новые — четыре. Первая группа шла поперечной линией между лесами, а вторая была построена в исхо-

(1) «Slaget vid Poltava» av Gustav Petri. Karolinska förbundets årsbok. Stockholm 1958; s. 125-162.

(2) «Reduterna i slaget vid Poltava enligt ryska källor och rysk krigsvetenskaplig litteratur» av Waldemar Granberg. Тот же ежегодник за 1961 г., стр. 91-104. Заглавие статьи в переводе на русский язык означает: «Редуты в сражении под Полтавой согласно русским источникам и русской научной литературе».

(3) Н. Л. Юнаков. Северная война. Труды ИРВИО. Том IV. СПб., 1909.

(4) Ф. Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861.

(5) См., например, Г. А. Леер. Обзор войны России от Петра Великого до наших дней. Ч. I. СПб., 1885 и «Военный сборник», 1865, т. 42, стр. 207-230.

дящей линии перпендикулярно предыдущей (См. "Книга Магсова", Юнаков, Деер, Михневич (6)).

Затем говорится о гарнизонах редутов — все десять редутов находились под командой бригадира Айгустова и были заняты 2-3 батальонами Белгородского полка (Юнаков и другие). Некоторые источники осторожно и неуверенно говорят, что в редутах поставили артиллерию; какую и сколько — никто не говорит.

Итак, редуты имели 2-3 батальона. Русские источники, оценивая силу петровского батальона, останавливаются на цифре 500-600 птыков (Юнаков, Карцов (7)). Так как батальоны имели четыре роты (3 мушкетерские и 1 гренадерская), то выходит, что рота имела 125-150 человек. Все эти 3 батальона (а м. б. 2) могли иметь всего 12 рот (м. б. 8). Редуты было 10 и, если гарнизоны их были одинаковы, то в одном редуте гарнизон был около роты с небольшим, т. е. 125-150 (70-100?) человек.

Расстояние между редутами источники определяют (Юнаков) в 250 метров, длина фаса редута — 50 метров, длина линии огня всех четырех фасов каждого редута — 200 метров; ров — 2,5 метра глубины, высота бруствера — два-три метра. Общая длина обороны поперечной линии редуты между лесами — 1400, перпендикулярной — около 1000 метров. Общая численность всех гарнизонов была около 1500-1800 человек (если было 12 рот) или 1000-1200 (если было 8 рот). Это данные с русской стороны. Они повторяются с небольшими отклонениями во всех описаниях Полтавской битвы.

Сведения о противнике — более полные в шведской литературе — говорят, что боевой порядок исходного положения состоял из 18 батальонов и определяют один батальон в среднем, в 400 птыков (Петри). Отсюда общее число пехоты колеблется между 7000-8000 птыков. Это дает определенную картину исходного положения: 7-8 тысяч шведской пехоты пошли против 1500-1800 (м. б. 1000-2000) защитников, растянутых по редутам на протяжении 1200-1300 метров фронта обороны.

Это было начало операции. Наступающие имели почти четверное превосходство.

"Редутная баталия" была для Петра самостоятельной операцией. Хотя Петр и имел кавалерию в интервалах, он все же не хотел, чтобы это дело у редуты выросло в "большое" сражение, куда легко могла быть втянута вся армия. Интересно отметить, что все то, что произошло сразу после соприкосновения противников, в свое время не вызвало комментариев у историков. Они не находили удивительным, что оборона выдержала атаку, несмотря на громадное преимущество атакующего. Ни один автор не нашел нужным рассмотреть силы сторон более подробно. На самом же деле, рассмотрению этих сил надо оказать большое внимание.

Невольно возникает вопрос, как могли разбро-

санные роты Айгустова (числом 8-12) удерживать редутные линии? При самом широком допуске — это звучит неправдоподобно. Невольно приходишь к выводу, что данные о защитниках редуты имеют какой-то просчет, какую-то ошибку. Эта ошибка подтверждается и с фортификационной стороны. Как успели 8-12 рот (1000-1500 человек) Айгустова построить 10 редуты (два были еще не окончены ко времени атаки), принимая во внимание величину профили, время и шанцевый инструмент петровских войск?

Профиль редута всегда определяет необходимое число рабочих и нужное время для работы. Полтавские редуты требовали, как минимум, 3-4 рабочих на погонный метр бруствера в течение 5-6 часов. Поэтому, если каждый редут имел 200 погонных метров бруствера, то одновременно должны были копать 500-600 человек, чтобы довести один редут до указанной профили в течение того же времени. Отсюда вытекает вероятное предположение, что каждый редут строил, по крайней мере, один батальон, а не полторы роты (См. Учебную фортификацию Ильяшевича и статью "Окопы" в журнале "Разведчик", 1905, № 753, стр. 260-261).

Необходимо еще учесть то, что шанцевый инструмент петровской эпохи был не у каждого солдата. Инструмент был при полках, но не более 200 лопат на батальон. Дополнительно их могло быть и больше, но данных об этом нет. Из сведений об одной дивизии следует, что полки не имели более 200 лопат на полк в два батальона (Юнаков, том 3-й). Отсюда можно еще предполагать, что не все люди каждого батальона могли копать одновременно.

Но восемь редуты построили полностью — отсюда напрашивается вывод, что рабочих было больше, и много больше, чем могли дать два или три батальона Белгородского полка. В каждом редуте с линией огня в 200 метров, могло быть только 120-150 солдат. Это означало, что, если бы все защитники при обороне стояли у бруствера и стреляли, то на одного стрелка пришлось бы 1,5-2 метра линии огня. Техника ружейного огня при отражении атаки предусматривала двойную или тройную линию людей, из которых одна или две задние заряжали ружья. Отсюда вытекает, что гарнизон редута в 125-150 стрелков не мог дать серьезной силы ружейного огня. Бруствер был занят слишком редкой цепью стрелков без зарядальщиков и резервов. Поэтому, редут с лишней огня в 200 метров должен был иметь батальон своим гарнизоном.

Эти сведения о редутных гарнизонах не новы. Они были опубликованы в 1909 году в "Военном сборнике" (№ 9, стр. 260-265), но почему-то они прошли незамеченными: юбилейная литература была уже напечатана и на эти новые данные никто не обратил внимания. Сведения о гарнизонах были настолько важными, что Юнаков включил их в "Приложения" своего труда, оставив, однако, в тексте описания прежний счет гарнизонов. В действительности, по этим новым данным гарнизоны имели не 2-3 батальона, а 7-8, причем были названы три полка, к которым они принадлежали. Мало того, были названы

(6) Н. П. Михневич. Основы русского военного искусства. СПб., 1893.

(7) А. П. Карцов. Военно-исторический обзор Северной войны. СПб., 1851.

два батальонные командира полка Неклюдова (Палибин и Шершин). Все это показывает, что редуты были батальонные, т. е. гарнизон каждого редута был один батальон. Конечно не исключена возможность, что некоторые редуты имели несколько меньший гарнизон.

Руководство обороны лежало в руках трех полковников: Василия Левашова, Нечаева и Матвея Неклюдова (Юнаков). К сожалению нет указаний, где находились штабы полков и их командиры, но шведские источники говорят, не указывая определенно, что третий по счету редут перпендикулярной линии имел командиром полковника (Петри). Это был тот редут, о который разбилась атака группы генерала Росса. В списке убитых значится командир одного из полков — полковник Нечаев (Юнаков).

Таким образом, эти открытые данные дают такую картину сопоставления сил. Шведы имели при атаке 7000-8000 штыков, русские имели при обороне — 3500-4800 штыков. Но это сопоставление не будет полным, если не будет к расчету присоединена артиллерия редутов, фортификационная сила самих редутов и подошедшая в последней фазе борьбы обходная колонна Меншикова в 5 батальонов пехоты и 20 эскадронов конницы. Считая только пехоту Меншикова, мы приходим к следующему итогу.

Со стороны шведов — 7000-8000 штыков, со стороны русских — 6500-8000 штыков. Естественно, что такая пропорция, при отсутствии у шведов артиллерии и штурмового снаряжения, ясно показывает, почему шведы не могли добиться успеха у редутов.

По свидетельству шведских историков потери шведов в борьбе за редуты могли быть 3000-4000 человек (Петри). Получилось так, что все выстроенные для последней схватки перед лагерем шведские батальоны, оставшиеся у короля, не превышали к началу последнего акта сражения 4000 штыков. Русские же насчитывали для второй половины сражения не менее 40 батальонов, т. е. 20-25 тысяч штыков как минимум.

Этот подсчет дает право сказать, что “редутная” операция уничтожила чуть ли не половину шведской пехоты. Даже учитывая все поправки, неточности подсчета и заблуждения, нельзя отнять от “редутной” операции ее громадного значения. Это была блестящая победа.

До сих пор здесь рассматривались действия только пехоты. Что касается кавалерии, то ее действия в междуредутном пространстве были стеснены; но и тот успех, какой она имела, а главное, ту связь, какую она все время держала с царем, были очень важны. Как известно, Меншиков все время доносил о ходе боя, прося помощи. Царь ее не дал, но сделал другое: благодаря этим донесениям Петр послал его с пятью батальонами и двадцатью эскадронами против застрявшей у редута № 3 группы генерала Росса, в результате чего эта группа принуждена была отказаться от атаки и перейти к обороне (Юнаков, Петри).

Что же касается артиллерии, то источники, как русские, так и иностранные, очень сдержанно и не-

уверенно определяют ее состав в междуредутном пространстве. Нет сомнения, что орудия на редутах были. Все пехотные полки петровской эпохи имели свою полковую артиллерию. Во всяком случае, ее имел Белгородский полк. Две трехфунтовые пушки входили в штат каждого батальона. Теперь, когда число батальонов редутной зоны установлено между 7-8, есть основание думать, что одних полковых орудий могло быть 24-16, что приходится почти два на редут.

Артиллерийским вооружением главного укрепленного лагеря заведовал опытный артиллерист бомбардирской Преображенской роты Гинтер. Неясно указано в некоторых трудах, что бомбардирская рота устанавливала орудия в укреплениях и в редутах. Если она это делала, то на редутах это были орудия более легкого типа, так как 8-16 фунтовые пушки были более удобны для перевозки и установки. Общее число таких орудий неизвестно, но, даже если только одно было на каждый редут, то получится 8 орудий по числу готовых редутов (Юнаков и другие).

Шведские источники указывают, что артиллерия редутов действовала все время не только в операциях редутной зоны, но и во время сбора шведской армии у леса после прохода редутов (Петри). Расстояние между этими районами было около 1 - 1 1/2 километра; это указывает, что в редутах были и более крупные орудия, чем полковые.

Остается упомянуть, что и драгунские полки имели легкие орудия — мортиры (на вьюках). Где они были и как действовали — известий нет, но нельзя отрицать возможности их участия в редутной зоне. Новейшие источники на русском языке говорят, что таких орудий могло быть 13 штук (8).

Суммируя все эти данные, мы приходим к возможной цифре — 35 орудий. Шведы же в этом районе располагали на 7-8 тысяч пехоты всего четырьмя полковыми пушками. Ни одно орудие за время боев у редутов не было захвачено атакующими. Если бы это было иначе, то были бы показаны захваченные орудия в шведских реляциях. Реляции обеих сторон всегда сугубо подчеркивают взятие орудий. Как пример, можно упомянуть, что даже при неудачном исходе шведские данные говорят о захвате шведской гвардией полковых орудий Новгородского полка. Это произошло при неудачной попытке прорыва шведов в последнем акте сражения (Петри).

Остается упомянуть о фортификации редутов. Об этом написано еще менее, чем о пехоте, кавалерии и артиллерии. Планов Полтавского сражения существует много, мы выберем один, исполненный в 1909 году капитаном генерального штаба А. А. Носковым. Это — инструментальная съемка поля сражения (9). Одновременно интересно цитировать комментарии Носкова об осмотре поля сражения.

Он говорит: “Я шел по следам наступающей на редуты шведской армии и смотрел на открывшуюся

(8) Е. Е. Колосов. Артиллерия в Полтавском сражении. Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сборник статей. Москва, 1959, стр. 104.

(9) См. цит. «Труды ИРВИО».

панораму того дефила между лесами, где были редуты и куда кинулись шведы... Дул холодный северный ветер прямо мне в лицо. Этот ветер поднимал с полей тучи мелкой пыли, высоко несшейся по открытым полям, заволакивая далеко горизонт. Чуть были видны темные далекие контуры Будищенского и Яковецкого лесов... Нигде ни куста, ни дерева на километры кругом..."

Из этой картины можно сделать ясный вывод: простора для линейного боевого порядка шведов было много, но вся армия их была на голой местности, без укрытий, без возможности уйти от бьющих на выбор мушкетов с гребней редутов. Эти редуты были в огневой и зрительной связи друг с другом. Успех атаки мог быть только в стремительности и неожиданности под покровом предрассветной темноты.

Однако атака не была неожиданностью и здесь надо подчеркнуть особо важную роль, какую выполнили перпендикулярные редуты. Хотя из четырех только два были готовы, но наличие рабочих, выдвинутых на километр впереди основной линии, вышло, как бы, передовую заставу охранения. Здесь обнаружили шведов еще до начала их движения. Была дана тревога, момент "неожиданности" был потерян шведами, а с ним и залог возможного успеха (Леер, Петри).

Нужно заметить, что начало атаки в 2 часа 28 июня было неожиданностью для русских. Согласно "паголя" она должна была начаться 29 июня, но шведы атаковали раньше, боясь усиления русских отрядом конницы калмыков хана Аюки.

Другой вывод можно сделать из замечания о пыли. Носков говорит, что рыхлая почва способствовала образованию пыли от малейшего ветра. Во время редутной батальи могло и не быть ветра, но зато тысячи всадников, носившихся по полю, поднимали пыль не хуже ветра. Пыль заволакивала все кругом, затрудняя ориентировку. Для гарнизонов редутов это не было так опасно — солдаты ориентировались по брустверу, за которым стояли, зато для атаки это было затруднительно при перекрестном огне. Шведские батальоны не могли произвести перестроений для энергичной фланговой атаки, испытывая на себе дружный ружейный и артиллерийский огонь с русских редутов. Подготовки же к атаке вовсе не было у шведов, и шесть батальонов гарнизонов редутов сдерживали атаку шести шведских батальонов генерала Росса. Для атакующего это была неблагоприятная пропорция.

Еще вывод из присутствия той же пыли. Грунт и почва, где произошло сражение, были мягкие — ни камней, ни твердых слоев не было. Копать было легко. Копали настоящими крестьянскими лопатами, а не уменьшенными лопатами современного типа. Фортификация прежде всего ставит требование мягкого грунта и хорошего инструмента — это определяет время успешной работы. К сожалению, очень трудно установить, сколько потребовалось времени на постройку редутов от получения приказа до 2 часов ночи 28 июня, когда шведы тронулись в атаку. Некоторые авторы определяют время отдачи приказа

около 26 июня, что дает 2-3 рабочих дня. Для четырех редутов перпендикулярной линии момент приказа был "вечер" 27 июня, то есть на них работали не более восьми часов.

Не следует Петру I приписывать "изобретение" редутов. Редуты были известным типом полевого укрепления, но применение их в угловой группировке несомненно носит печать исключительной и искусной военной оценки. Это остается за Петром. На Западе такие укрепления впервые были применены Моричем Саксонским в сражении при Фонтенуа в 1745 году, то есть 36 лет спустя после Полтавской баталии. Свидетельством того, что французский маршал позаимствовал идею Петра I, служит его трактат "Мои размышления и воспоминания о военном искусстве", в котором он посвящает целую главу разбору тактики Петра и роли редутов в Полтавском бою (10).

Оборонительная сила редутов была значительна. Мушкетный огонь давался с четырех фасов. Стрелки были укрыты, зарядатели могли спокойно подавать мушкеты на бруствер; огонь был непрерывен. Ров и бруствер были общей высоты до 5 метров. "Эскалаторовать" это препятствие можно было только имея лестницы, фашины для заполнения рва, колья, веревки и ручные гранаты. По редутам должна была бить артиллерия, чтобы помочь атаке. Ничего этого у шведов не было.

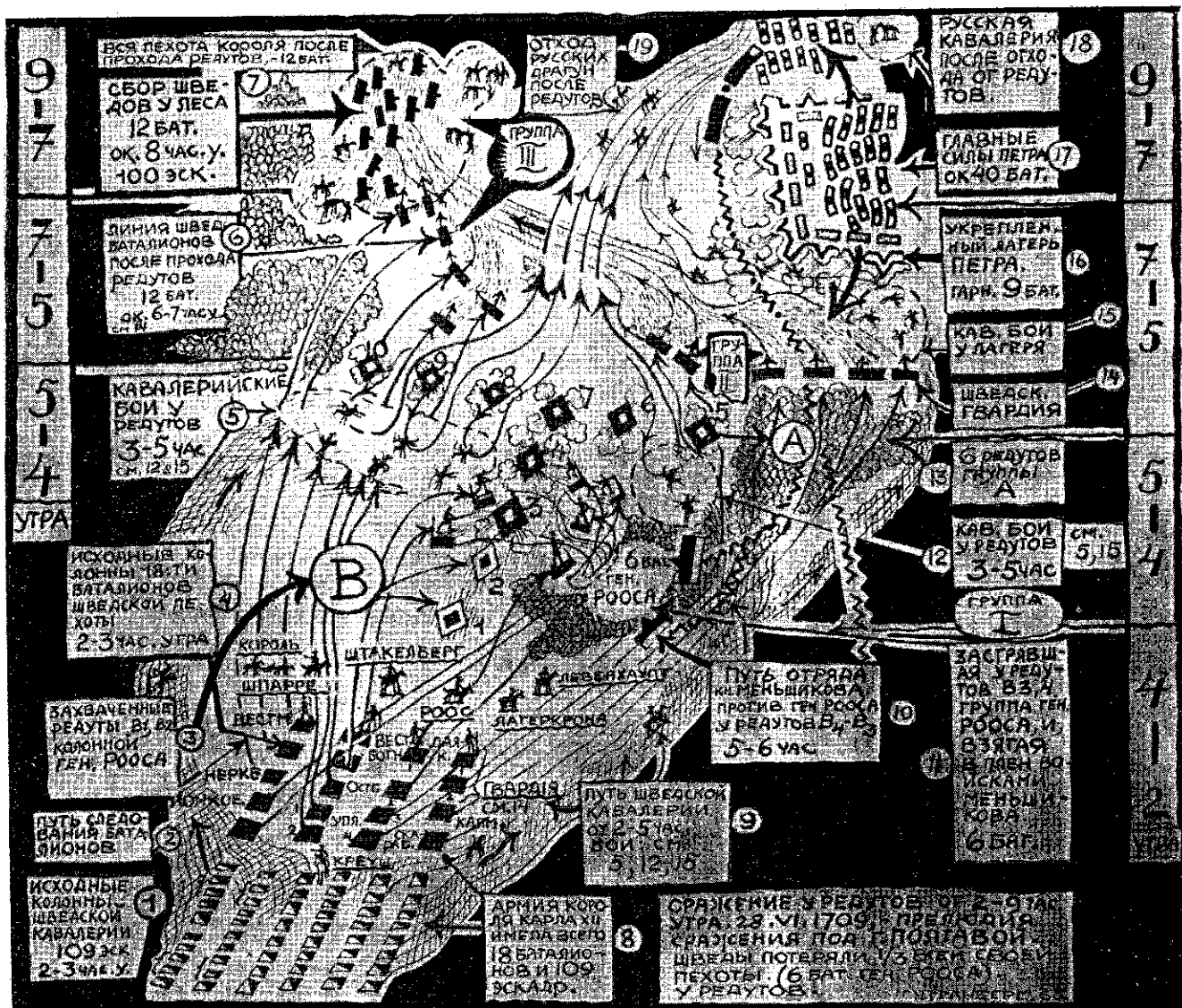
Карл XII не мог не знать этих недостатков. Но может быть он не знал о возведенных редутах? Или, может быть, он считал, что со времени знаменитой Нарвы русский солдат не изменился и оставался таким, что и был восемь лет тому назад? В этом Карл ошибся и просчет этот ему обошелся дорого.

Делая общий вывод всему сказанному выше, мы видим, что бой в редутной зоне прошли под знаком некоторого превосходства на русской стороне. Если численность бойцов была до некоторой степени одинакова, то все же технические плюсы были на русской стороне.

Результат же сражения у редутов по своей важности должен быть оставлен на первое место. Результат его был предрешением полтавской победы. Нам кажется, что это смелое заключение сделали бы и другие писатели, если бы они располагали теми новыми материалами, какие были открыты последствием. Например, исследование историка генерала Г. А. Леера "Подготовка Петра I к Полтавскому бою", напечатанное в "Военном сборнике" 1869 г., подчеркивает фортификационные достоинства редутов и значение их в обстановке полевого боя, но вопрос о взаимоотношении сил обеих сторон разбирается на основании прежних данных.

Сопоставление сил сторон, данное нами в настоящем очерке, не должно уменьшать доблесть защитников редутов. Согласно историческим данным потомками полков, находившихся в редутах, считаются: Белгородского — 13-й пехотный Белозерский полк, и полка подполковника Неклюдова — 118-й пехотный

(10) Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии. Москва, 1958, стр. 14 и 15.

Шуйский полк. О полке полковника Нечаева, к сожалению, нет исторических данных.

Чтобы закончить этот очерк, мы попытаемся изобразить здесь самый критический момент редутного дела вокруг редутов № 3 и № 4 (см. схему) так, как нам рисуется в нашем воображении.

В полутемноте июньской ночи четыре длинные колонны шведской пехоты, как четыре червяка, расположились в поле перед редутами. Стяли в колоннах около двух-трех часов. Наконец, послышались команды и колонны двинулись в том порядке, как стояли, но крайние две, из-за сбивчивости приказаний, начали разворачиваться в линейный боевой порядок. Король Карл на носилках, которые везли две лошади, следовал за пехотой. Сбивчивость произошла из-за того, что разъезд кавалерии открыл только что русских — и открыл их там, где их не ожидали. Русские были близко — они копали редуты и, увидав шведский разъезд, подняли тревогу. Тревога понеслась по всей русской армии...

Во второй колонне шел генерал Росс, у него было четыре батальона. Он держал направление на перпендикулярную линию редутов и получил приказание их атаковать. Шведы с налету захватили два первые, несовершенные постройкой, редуты. Работавшие в них русские разбежались. Впереди виднелись очертания других редутов... Первый успех подбодрил шведов и они двинулись к редуту № 3.

В это время между редутами появилась русская конница. Ее встретила шведская, поддержанная своей пехотой. Туши пыли закрыли все окружающее. Было часа 4-5 утра. Русская кавалерия отходила... По мере того, как освобождалось пространство между редутами и оседала пыль, поднималась стрельба со всех брустверов. Шведская пехота из-за пыли теряла ориентировку; в нее стреляли и справа, и слева; она пробовала обойти редут, но проход простреливался со всех сторон. Казалось, что русские стояли кольцом... Шведские батальоны подаются назад, выстраиваются и опять идут вперед... Бесполезно —

нет ни фашин, ни лестниц, ни артиллерии... Влезть на бруствер можно только подсаживая друг друга на плечи, но это трудно и берет много времени. На бруствере не удержаться...

Слева подходят еще два батальона и все шесть батальонов атакуют, но без успеха... Генерал Росс приказывает стойти и устроиться. У него нет связи с армией короля и правая колонна гвардии ушла куда-то вправо. Он остался один, а его люди впереди окатываются жестоким огнем с русских редутов.

В это время справа и в тылу показались пехота и кавалерия. Это русские — их много... Генерал Росс бросает редуты и переходит от атаки к защите. Он медленно отходит на юг... Его преследуют... Он совершенно отрезан от своей армии... Около 6 часов утра он сдается с 400 солдатами — это все, что

осталось от 2400, которые начали атаку. Так кончился "редутный" эпизод.

Из 18 батальонов, начавших атаку, у короля собралось лишь 12, которые должны были разыграть сражение против всей армии Петра, вышедшей из укрепленного лагеря. В этой встрече превосходство русских было подавляющим... История говорит, что Петр располагал 60 батальонами. Может быть это число преувеличено, но против 12 шведских батальонов могло быть для победы и меньше. Шведские батальоны стояли на больших интервалах и промежутки заполняла вся кавалерия.

Возвращаясь к заглавию этого очерка — "Полтавские редуты", невольно хочется изменить это заглавие на другое, а именно: "ПОЛОВИНА ПОЛТАВСКОЙ ПОБЕДЫ". Нам кажется, что озаглавить так настоящий очерк будет справедливее. Неоспоримо и то, что вторая половина победы была легче первой.